

УДК 343.14

DOI [10.17150/2500-4255.2016.10\(3\).554-567](https://doi.org/10.17150/2500-4255.2016.10(3).554-567)

ПРАВО НА ВОЗВРАЩЕНИЕ УГОЛОВНОГО ДЕЛА СУДОМ АПЕЛЛЯЦИОННОЙ ИНСТАНЦИИ В СУД ПЕРВОЙ ИНСТАНЦИИ: ВОЗМОЖНОСТЬ ЗЛОУПОТРЕБЛЕНИЯ ПОЛНОМОЧИЯМИ

О.И. Андреева, О.В. Желева, А.А. Рукавишникова, Т.В. Трубникова

Национальный исследовательский Томский государственный университет, г. Томск, Российская Федерация

Информация о статье

Дата поступления

11 января 2016 г.

Дата принятия в печать

22 июня 2016 г.

Дата онлайн-размещения

30 сентября 2016 г.

Ключевые слова

Злоупотребление полномочиями;
суд апелляционной инстанции;
возвращение уголовного дела
в суд первой инстанции;
нарушения, неустраняемые в суде
апелляционной инстанции

Финансирование

Исследование выполнено
при финансовой поддержке РГНФ
в рамках научно-исследовательского
проекта РГНФ, проект № 16-03-00413

Аннотация. Анализ правоприменительной практики показал, что суд апелляционной инстанции чрезмерно широко использует свои полномочия по возвращению дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, в результате чего нарушается право участников уголовного процесса на разумный срок судопроизводства. Рассмотрение причин этого явления, понятия, критериев и классификации видов злоупотребления полномочиями позволяет сделать выводы о том, что данное явление частично предопределено отсутствием в российском уголовном процессе института эвокации (возможности перехода в апелляцию к рассмотрению дела по правилам первой инстанции), а частично представляет собой злоупотребление судом апелляционной инстанции своими дискреционными полномочиями. Продемонстрировано, что существующее на сегодняшний день в России правовое регулирование создает предпосылки для системных злоупотреблений судом апелляционной инстанции полномочиями по возвращению уголовного дела суду первой инстанции для повторного рассмотрения. Исходя из анализа нормативно-правовых актов, разъяснений высших судебных инстанций, правоприменительной практики, а также существующих теоретических взглядов на проблему производится разграничение: какие из встречающихся ситуаций передачи дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции оправданны, а какие «чрезмерны», необоснованно ограничивают право участников на разбирательство дела в разумный срок. Аргументируется необходимость введения в уголовный процесс института эвокации, а также уточнения положений ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ: либо путем включения в данную статью более четких критериев, в случае наличия которых дело должно подлежать возвращению в суд первой инстанции, либо путем установления тех ситуаций, в которых суд апелляционной инстанции будет не вправе возвращать дело в нижестоящий суд, а должен самостоятельно исправить допущенные судом первой инстанции нарушения.

THE COURT OF APPEAL'S RIGHT TO RETURN A CRIMINAL CASE TO THE FIRST-INSTANCE COURT: A POSSIBILITY OF POWER ABUSE

Olga I. Andreeva, Olga V. Zheleva, Anastasia A. Rukavishnikova, Tatiana V. Trubnikova

National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation

Article info

Received

2016 January 11

Accepted

2016 June 22

Available online

2016 September 30

Keywords

Abuse of powers; the court of appeal;
the return the criminal case
to the first-instance court; violations
inherent in the court of appeal

Financing

This research was financially supported
by the Russian Humanitarian Research
Foundation (RHRF) within the
framework of RHRF's research project
№ 16-03-00413

Abstract. The analysis of law enforcement practice shows that courts of appeal abuse their authority to return a case for judicial review to first-instance courts, which violates the right of criminal procedure's participants to a trial within a reasonable time frame. The analysis of the causes of this phenomenon as well as the criteria and classification of authority abuse types allows the authors to conclude that this phenomenon is partially predetermined by the lack of the institute of evocation (the possibility to use appeal to examine the case according to the rules of the first-instance court) in Russian criminal procedures and partially is the court of appeal's abuse of its discretionary authority. The authors demonstrate that existing Russian legal regulations create prerequisites for the appeal court's systemic abuse of its power to return criminal cases to first-appeal courts for re-examination. Using the analysis of normative and legal acts, interpretations of highest judicial authorities and existing theoretical approaches to this issue the authors differentiate between situations where a case's return for re-trial is justified and those where it is «excessive» and unlawfully limits the participants' right to trial within a reasonable period of time. They argue for the necessity of introducing the institute of evocation into the criminal process as well as for the clarification of clauses in Part 1 Art. 389.22 of the Criminal Procedure Code of the Russian Federation: either by introducing clearer criteria for determining if a case is eligible for being returned to the first-instance court or by defining the situations in which the court of appeal cannot return a case to the court below but should itself correct violations committed by courts of first instance.

Одним из возможных решений суда апелляционной инстанции, выносимых им по итогам проверки приговора, является отмена приговора с возвращением уголовного дела на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции. При этом в соответствии с ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ обвинительный приговор или иные решения суда первой инстанции подлежат отмене с передачей уголовного дела на новое судебное разбирательство, если в ходе рассмотрения дела в суде первой инстанции были допущены нарушения уголовно-процессуального и (или) уголовного закона, неустранимые в суде апелляционной инстанции. Таким образом, законодатель определил, что апелляционная инстанция может вернуть уголовное дело для пересмотра в суд первой инстанции только в том случае, если сама она не может устранить ранее допущенные нарушения уголовного или уголовно-процессуального закона. Такое ограничение представляется необходимым исходя из существа деятельности суда в апелляционной инстанции. Согласно УПК РФ, производство по уголовному делу в суде апелляционной инстанции осуществляется в порядке, установленном гл. 35–39, регламентирующими производство в суде первой инстанции, с изъятиями, предусмотренными гл. 45.1 УПК РФ. Таким образом, суд апелляционной инстанции вправе провести полноценное судебное следствие (проверить уже ранее исследованные и новые доказательства), исправив в его ходе недостатки, ранее допущенные в суде первой инстанции. Безосновательный отказ суда апелляционной инстанции от использования своих полномочий по принятию нового судебного решения влечет то, что исправление ошибок перекладывается

на суд первой инстанции, который их и допустил [1, с. 101]. Чрезмерно широкое использование судом апелляционной инстанции полномочий по возвращению уголовного дела в суд первой инстанции для нового судебного рассмотрения способно исказить назначение производства в суде апелляционной инстанции и его девальютивную природу, не соответствует принципу процессуальной экономии и требованию эффективности судопроизводства [2, с. 15], препятствует реализации принципа осуществления судами справедливого судебного разбирательства в разумный срок [3, с. 33].

Однако итоги исследования авторами судебной практики свидетельствуют о том, что суды, проверяющие судебные решения в апелляционном порядке, в последнее время чаще всего в случае отмены приговора не постановляют новое решение, а возвращают уголовное дело в нижестоящий суд для нового рассмотрения. Изучение судебной статистики показало, что если до 2013 г. судом апелляционной инстанции уголовные дела на новое судебное рассмотрение не возвращались вовсе (в соответствии с действовавшим на тот период уголовно-процессуальным законом), то с 2013 по 2015 г. процент уголовных дел, возвращенных судом апелляционной инстанции на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, постепенно рос¹. В результате, если в 2013 г. на новое судебное рассмотрение было возвращено 48,80 % от общего числа дел, по которым были отменены приговоры, то в 2015 г. аналогичный показатель составил уже 60,40 % (табл.).

¹ Данные судебной статистики. URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

Результаты деятельности судов апелляционной инстанции в РФ в 2011–2015 гг.

Results of the work of appeal courts in the Russian Federation in 2011–2015

Год / Year	Обжаловано приговоров в апелляционном порядке / Sentences appealed against	Отменено приговоров судом апелляционной инстанции / Sentences abolished by courts of appeal		Постановлено новых приговоров судом апелляционной инстанции / New sentences passed by courts of appeal			Возвращено в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение / Returned to first-appeal court for re-trial	
		Количество уголовных дел / N of criminal cases	Доля в числе обжалованных приговоров, % / Share among sentences appealed against, %	Количество уголовных дел / N of criminal cases	Доля в числе отмененных приговоров, % / Share among abolished sentences, %	Доля в числе обжалованных приговоров, % / Share among sentences appealed against, %	Количество уголовных дел / N of criminal cases	Доля в числе отмененных приговоров, % / Share among abolished sentences, %
2015	144 506	7 795	5,40	1 293	16,60	0,89	4 710	60,40
2014	142 475	8 742	6,14	1 717	19,64	1,21	4 928	56,37
2013	147 325	10 089	6,85	2 730	27,06	1,85	4 923	48,80
2012	30 267	4 942	16,33	2 690	54,43	8,89	0	0
2011	34 237	5 881	17,17	2 940	49,99	8,59	0	0

Напротив, как следует из таблицы, общее количество новых приговоров, постановленных судом апелляционной инстанции, и в особенности процентное отношение их числа к общему числу обжалованных и отмененных в апелляции приговоров, неуклонно снижалось в период действия нового порядка апелляционного производства. Небольшое увеличение количества новых приговоров, постановленных судом апелляционной инстанции, в 2013 г. (по сравнению с показателями 2012 г.) следует оценивать с учетом того, что в 2013 г. вступили в силу новые нормы относительно порядка обжалования в уголовном процессе (так называемая новая апелляция), появилась возможность обжалования в апелляционном порядке приговора любого суда, а не только приговоров мировых судей, как ранее (что вызвало существенное (почти в 5 раз) увеличение количества приговоров, обжалованных в апелляционном порядке). Если до 2013 г., отменяя приговор суда первой инстанции, апелляция примерно в половине случаев постановляла новый приговор, то в 2015 г. новый приговор постановлялся апелляционной инстанцией лишь в одном случае из шести.

Изучение судебной практики, произведенное с целью выявления причин столь частых отказов суда апелляционной инстанции от постановления по делу нового приговора, показало, что суды апелляционной инстанции склонны все более широко трактовать понятие «нарушения, неустранимые в суде апелляционной инстанции», относя к их числу самые разные нарушения, в том числе и те, что, по нашей экспертной оценке, вполне могли быть устранены им самостоятельно, в рамках апелляционного производства, и не требовали нового витка рассмотрения дела в суде первой и затем, возможно, апелляционной инстанции. Так, суды апелляционной инстанции, в частности, рассматривали в качестве неустранимых нарушений уголовно-процессуального закона следующие: отсутствие в деле сведений о направлении подсудимому постановления о назначении судебного заседания; рассмотрение уголовного дела в отсутствие подсудимого за исключением случаев, указанных в ч. 4, 5 ст. 247 УПК РФ; нарушение права подсудимого давать показания на родном языке или языке, которым он владеет, и пользоваться помощью переводчика; непредоставление подсудимому права на участие в судебных прениях, последнего слова; рассмотрение уголовного дела без участия защитника, если его

участие являлось обязательным (в том числе когда в обязательных случаях участия защитника был принят отказ от защитника либо этот вопрос у подсудимого не выяснялся); нарушение права обвиняемого пользоваться помощью защитника (защиту осуществляло ненадлежащее лицо; осуществление защиты в той ситуации, когда позиция защитника противоречила позиции подзащитного; осуществление защиты одним защитником двух подсудимых при наличии противоречивости их позиций); то, что судом первой инстанции не объявлялся состав суда, участникам не разъяснялись их права (в том числе право заявлять ходатайства, отводы), не разрешались их ходатайства, которые могли повлиять на рассмотрение дела по существу; то, что в приговоре указаны доказательства, которые не были исследованы судом первой инстанции; стороне защиты не была предоставлена возможность допросить свидетелей обвинения, экспертов, специалистов, потерпевших; судом первой инстанции дана неправильная оценка доказательств; противоречие выводов суда исследованным им доказательствам; наличие в исследованных судом доказательствах существенных противоречий, которым суд не дал оценки; в описательно-мотивировочной части оправдательного приговора суд не привел обстоятельства, установленные в ходе судебного разбирательства, на основании которых пришел к выводу о непричастности подсудимого к совершению преступления; неправильное назначение наказания судом первой инстанции (в том числе в части определения режима исправительного учреждения). То же самое отмечается и другими авторами, указывающими, что вынесение судом апелляционной инстанции нового решения — явление весьма редкое. Даже в тех случаях, когда суд апелляционной инстанции способен самостоятельно исправить допущенные нарушения, он стремится вернуть уголовное дело в суд первой инстанции и не постановлять новое решение [4, с. 22].

Между тем Европейский суд по правам человека ориентирует нас на то, что если производство в суде второй инстанции предусмотрено как способ проверки неокончательного судебного решения, из самого его предназначения вытекает то, что оно должно быть способно заменить собой производство в суде первой инстанции, в связи с чем выявленные нарушения при производстве в суде первой инстанции должны быть исправлены судом второй инстанции так,

как если бы это исправление проводил сам суд первой инстанции². На эти позиции должен опираться российский законодатель [5, с. 151].

Представляется необходимым выяснить причины столь широкого использования судами апелляционной инстанции своих полномочий по возвращению дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции, определить, не представляет ли данная ситуация случая злоупотребления судом своими дискреционными полномочиями, не вызвана ли она недостаточной определенностью законодательного регулирования, и предложить на этой основе меры, направленные на то, чтобы нарушения, выявленные судом второй инстанции, по общему правилу устранялись судом этой же инстанции, без возвращения дела в суд, рассмотревший дело по существу. В этих целях представляется необходимым прежде всего определиться с самим понятием «злоупотребление полномочиями», его содержанием и критериями, которые позволили бы отграничить злоупотребление судом своими дискреционными полномочиями от их правомерного и целесообразного использования, от злоупотребления должностными полномочиями, образующими состав преступления.

Суд как единственный носитель судебной власти обладает рядом исключительных полномочий в уголовном процессе: по рассмотрению и разрешению уголовных дел (ч. 1 ст. 29 УПК РФ), а также по принятию процессуальных решений, затрагивающих конституционные права и свободы личности (ч. 2 ст. 29 УПК РФ). При этом деятельность суда направлена на достижение назначения уголовного судопроизводства, закрепленного в ст. 6 УПК РФ: защиту прав и законных интересов лиц и организаций, потерпевших от преступлений; защиту личности от незаконного и необоснованного обвинения, осуждения, ограничения ее прав и свобод. Для реализации перечисленных целей и задач законодатель закрепил особые возможности суда, при этом некоторые его полномочия имеют дискреционный характер. Они позволяют суду «применять на основе собственного внутреннего убеждения один из нескольких легитимных вариантов решения правовых вопросов в целях наиболее эффективного осуществления уголовного судопроизводства» [6, с. 9]. В целом нали-

чие у суда таких полномочий способствует обеспечению независимости, самостоятельности, беспристрастности судебной власти, а также позволяет восполнить пробелы в процессе правоприменительной деятельности в связи с невозможностью детально регламентировать все многообразие уголовно-процессуальных правоотношений [7, р. 395]. В то же время дискреция создает опасность чрезмерного усмотрения, злоупотреблений со стороны суда.

В литературе не отрицается существование такого вида злоупотреблений, однако вопрос относительно природы данного явления решается неоднозначно [8, с. 71; 9, р. 43; 10, р. 237]. Можно выделить несколько позиций. В соответствии с первой злоупотребление дискреционными полномочиями приравнивается к феномену злоупотребления субъективным правом [11, с. 108; 12, с. 980–981; 13, с. 73; 14, с. 337; 15, р. 33]. Между тем различия в средствах, с использованием которых совершается злоупотребительное поведение, не позволяют согласиться с данной точкой зрения. Субъективное право представляет собой «гарантированную государством меру возможного поведения, предоставленную субъекту для защиты своих интересов и удовлетворения потребностей» [16, с. 19]. Оно выражает степень внешней свободы лица, позволяющей ему по своей воле выбирать определенное поведение из различных его вариантов. Раскрывать понятие дискреционных полномочий через категории «право», «свобода» представляется некорректным, ведь, в отличие от субъективного права, дискреция предполагает совершение действия (бездействия) не в личных интересах, а в интересах третьих лиц, общества, государства. Кроме того, должностные лица и государственные органы, в том числе суд, реализуя дискреционные полномочия, руководствуются общими нормативными положениями, ограничены уголовно-процессуальной формой, а также дополнительными условиями, установленными при осуществлении выбора. Помимо этого, деятельность данных субъектов находится под надзором и контролем вышестоящих государственных органов, т.е. они ответственны за свои действия (бездействие). Перечисленные отличия определяют субъектов злоупотребительного поведения в зависимости от того, кто из участников уголовного судопроизводства выступает носителем субъективного права или дискреционного полномочия. В случае злоупотребления субъективными правами

² Постановление Европейского суда по правам человека по делу «Абрамян против Российской Федерации» от 9 октября 2008 года (жалоба № 10709/02) // СПС «КонсультантПлюс».

ими являются частные лица уголовного процесса (подозреваемый, обвиняемый, потерпевший, гражданский истец, гражданский ответчик и др.), а при злоупотреблении дискреционными полномочиями — властные субъекты, в частности суд. Таким образом, злоупотребление субъективным правом и злоупотребление дискреционными полномочиями представляют собой самостоятельные явления [17, с. 10].

Представители второй позиции рассматривают злоупотребление субъективным правом и злоупотребление полномочиями в качестве различных явлений, при этом не проводя разграничений между злоупотреблением дискреционными и другими полномочиями [18, с. 15]. Между тем при осуществлении ряда полномочий субъект, который ими наделен, не может свободно выбрать способ, вид их реализации или воздержаться от их реализации, поэтому использование таких полномочий в противоречии с их назначением, в личных целях, будет совпадать с понятием уголовно-процессуального правонарушения, а в некоторых случаях образует состав преступления. Указанным признакам, например, соответствует непринятие и нерассмотрение судом жалобы участника уголовного судопроизводства на действия (бездействие) государственных органов и должностных лиц, осуществляющих уголовное преследование. Данное поведение суда представляет собой невыполнение прямого законодательного предписания, неисполнение установленной в ст. 125 УПК РФ обязанности, а значит, является правонарушением. Иная ситуация складывается при осуществлении дискреционных полномочий, в которых изначально заложена возможность судьи выбрать между альтернативными легальными вариантами поведения. При этом избранное решение должно наиболее точно отвечать замыслу законодателя, соответствовать назначению уголовного процесса. Отсюда следует, что, с одной стороны, суд обязан использовать свою дискрецию лишь в рамках тех вариантов поведения, которые уже сосредоточены в праве, а с другой стороны, он может беспрепятственно пользоваться своими правовыми возможностями внутри установленных пределов. Помимо этого, деятельность судьи по выбору наиболее приемлемого варианта характеризуется волевым моментом, формирующимся под влиянием его внутреннего убеждения, мировоззрения, профессионального опыта. Перечисленные факторы являются субъективной составляющей дискреционных полномочий и становятся предпо-

сылкой злоупотребительного поведения суда, не связанного с нарушением конкретных законодательных положений, как при правонарушении, и выраженного в искажении действительной воли законодателя. Кроме того, ввиду изначальной положительной направленности деятельности суда по применению дискреционных полномочий, связанной с необходимостью преодоления правовой и фактической неопределенности, в результате злоупотребления вредные последствия могут и не наступить. Последнее же выступает обязательным признаком противоправного деяния. Таким образом, злоупотребление дискреционными полномочиями не образует состав уголовно-процессуального правонарушения, под признаки которого подпадает злоупотребление иными полномочиями, и потому является самостоятельным правовым феноменом.

Следует отметить, что в зарубежной литературе также по-разному решается вопрос о сущности и соотношении рассмотренных видов злоупотреблений. По мнению иностранных исследователей, необходимость распространения правового контроля на неурегулированные сферы, а также восполнения законодательных пробелов обусловила закрепление широкого круга прав и полномочий участников правоотношений [19, р. 390]. Между тем в процессе реализации своих правовых возможностей субъекты могут причинить вред правам и интересам других лиц, общества, государства. В целях недопущения такой деятельности во всех сферах, в том числе уголовно-процессуальной, должен действовать принцип незлоупотребления правом. Предполагается, что данное требование распространяется на действия (бездействие) не только частных лиц, но и государственных органов, должностных лиц, являющихся носителями правомочий действовать по своему усмотрению. Отсюда понятие «злоупотребление правом» (*abuse of rights*) включает в себя как злоупотребление субъективным правом, так и злоупотребление полномочиями. Помимо этого, применительно к деятельности государственных органов и должностных лиц, осуществляющих расследование, выделяется самостоятельный вид злоупотребления полномочиями (*abuse of powers*), который обозначает совершение действий (бездействия) указанными субъектами способами, нарушающими и ограничивающими права лиц, в отношении которых ведется уголовное преследование [20, р. 346]. К таким действиям, например, относится безосновательное проведение

обыска, использование недопустимой тактики ведения допроса и др. Подобная деятельность возможна и в случае чрезмерного усмотрения должностного лица по мотивам его личной, служебной заинтересованности или в результате неверной оценки обстоятельств дела.

На основе вышеизложенного злоупотребление судом дискреционными полномочиями можно определить как явление, представляющее собой осуществление по своему усмотрению предоставленных законом возможностей в противоречии с их назначением, замыслом законодателя, в результате которого причиняется вред правам и законным интересам иных участников уголовного процесса и интересам правосудия в целом либо возникает опасность причинения такого вреда. Уточняя содержание злоупотребления дискреционными полномочиями применительно к уголовному процессу, с учетом его назначения, задач и принципов считаем возможным предложить следующий критерий отграничения злоупотребления дискреционными полномочиями от правомерного их использования: если объективным результатом реализации должностным лицом своих дискреционных полномочий станет неоправданное ограничение или угроза нарушения конституционного права лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, либо такое ограничение прав и возможностей участника процесса, которое способно привести к нарушению права одного из субъектов на судебную защиту (в том числе вследствие нарушения права на судебное разбирательство в разумный срок), значит, со стороны должностного лица имеет место злоупотребление полномочиями [21, с. 71]. Это означает, что:

- любое ограничение конституционного права лица, вовлеченного в уголовное судопроизводство, происходящее в результате использования судом своих дискреционных полномочий, должно быть обоснованным конкретными обстоятельствами, исследованными судом, и быть пропорциональным им [22, р. 1–2];

- ограничения прав и возможностей участников процесса, происходящие вследствие использования судом своих дискреционных полномочий, не должны быть настолько существенными, чтобы исключить реальную возможность судебной защиты их прав;

- в ситуациях, в которых законные интересы различных участников судебного разбирательства противоречат друг другу (например, право обвиняемого допрашивать показывающих про-

тив него свидетелей может противоречить праву свидетеля на безопасность, а право подсудимого на полноценное осуществление своей защиты в суде первой инстанции — праву потерпевшего на рассмотрение дела в разумный срок), суд должен стремиться к обеспечению баланса интересов таких участников, «взвешивать» их, определяя тот интерес, который будет более значимым в данной ситуации, и стремясь «уравновесить» неблагоприятные последствия для другой стороны как можно меньшим ограничением ее прав и компенсировать такие ограничения предоставлением ей дополнительных возможностей для их реализации, если это возможно.

Представляется необходимым также отметить, что злоупотребления дискреционными полномочиями можно дифференцировать на системные и несистемные. При этом к числу системных форм злоупотребления полномочиями относятся те, которые становятся возможными вследствие недостатков уголовно-процессуального закона (например, чрезмерно широкие пределы усмотрения должностного лица в отсутствие ориентиров для выбора им одного из вариантов поведения) либо в случае противоречия сложившихся обыкновений правоприменительной деятельности действительной воле законодателя (в том числе в результате неадекватного ее толкования высшими судебными органами). Под несистемными злоупотреблениями полномочиями мы понимаем разовые ситуации, такие, совершение которых нельзя исключить путем совершенствования уголовно-процессуального закона.

С учетом предложенного определения злоупотребления дискреционными полномочиями, критериев отнесения того или иного решения к числу злоупотреблений полномочиями, а также на основе предложенной классификации злоупотреблений полномочиями обратимся к вопросу о причинах, по которым суды апелляционной инстанции чрезмерно часто направляют дела в суды первой инстанции для их повторного рассмотрения, вместо того чтобы самостоятельно исправлять допущенные ими ошибки. Первое, что необходимо отметить, — это недостаточная определенность самой формулировки «нарушения, неустранимые в суде апелляционной инстанции». Сложность ее однозначного толкования становится очевидной, в частности, в результате анализа попыток Верховного Суда РФ предложить судам такое толкование. В первоначальной редакции п. 19 постановления Пленума

Верховного Суда РФ от 27 ноября 2012 г. № 26 неустраняемыми в суде апелляционной инстанции признавались «такие нарушения фундаментальных основ уголовного судопроизводства, последствием которых является процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу (например, рассмотрение дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности)» (курсив наш. — Авт.)³. Однако термин «процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу» имеет крайне неопределенное содержание и требует четких разъяснений для обеспечения его адекватного и единообразного понимания. В редакции 2015 г. п. 19 вышеуказанного постановления был откорректирован, понятие «процессуальной недействительности самого производства по уголовному делу» было из него исключено. В результате первый абзац п. 19 постановления был изложен в следующей редакции: «Приговор, определение или постановление суда отменяется и уголовное дело передается на новое судебное разбирательство в суд первой инстанции при наличии таких существенных нарушений уголовно-процессуального закона, которые не могут быть устранены судом апелляционной инстанции (например, в случаях рассмотрения дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности, нарушения права обвиняемого на защиту, которое не может быть восполнено судом апелляционной инстанции)»⁴. Очевидно, что данная формулировка вообще не дает суду апелляционной инстанции ориентиров для решения вопроса об устранимости / неустраняемости тех или иных нарушений закона в суде апелляционной инстанции. Она лишь называет два вида нарушений закона, которые судам предлагается считать заведомо неустраняемыми, а также оговаривает, что в каких-то случаях (неизвестно, в каких) некоторые нарушения права на защиту могут оказаться невосполнимыми в суде апелляционной инстанции. В проекте постановления Пленума Верховного Суда РФ «О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих

производство в суде апелляционной инстанции» Верховный Суд РФ попытался вновь вернуться к понятию «процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу». Так, согласно п. 19 данного проекта, неустраняемыми в суде апелляционной инстанции следует признавать «такие допущенные судом первой инстанции нарушения закона, последствием которых является процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу либо вынесенного по нему решения (например, рассмотрение дела незаконным составом суда либо с нарушением правил подсудности, отсутствие на судебном решении подписи судьи или одного из судей, отсутствие протокола судебного заседания), а также невосполнимые в суде апелляционной инстанции нарушения права обвиняемого на защиту (в частности, нарушения, указанные в пунктах 3–5 ч. 2 ст. 389.17 УПК РФ)»⁵. Кроме того, в данном проекте указаны специальные виды таких нарушений применительно к приговору, вынесенному в порядке гл. 40 и 40.1 УПК РФ. К ним предложено относить нарушения процедуры назначения слушания дела в особом порядке, которые лишают вышестоящий суд возможности постановить новый обвинительный приговор в особом порядке (несоблюдение судом первой инстанции требований ст. 314 или 317.6 УПК РФ об основаниях применения особого порядка принятия судебного решения, предусмотренной ч. 1 ст. 315 или ч. 1 ст. 317.1 УПК РФ процедуры заявления соответствующего ходатайства; невыполнение судом требований ч. 7 ст. 316 или ч. 5 ст. 317.7 УПК РФ и др.).

Таким образом, к неустраняемым в суде апелляционной инстанции Верховный Суд РФ предлагает относить два вида нарушений, допущенных при рассмотрении уголовного дела в общем порядке.

К первой группе неустраняемых нарушений он предлагает причислить такие, последствием которых является процессуальная недействительность самого производства по уголовному делу либо вынесенного по нему решения. При этом возникает разумный вопрос, действительно ли необходимо возвращение уголовного дела

³ О применении норм Уголовно-процессуального кодекса РФ, регламентирующих производство в суде апелляционной инстанции : постановление Пленума Верхов. Суда РФ от 27 нояб. 2012 г. № 26 // СПС «КонсультантПлюс».

⁴ То же (в ред. от 1 дек. 2015 г. № 54).

⁵ О внесении изменений в постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 ноября 2012 г. № 26 «О применении норм Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации, регулирующих производство в суде апелляционной инстанции» : проект постановления Пленума Верхов. Суда РФ // СПС «КонсультантПлюс».

в суд первой инстанции в тех случаях, когда при соблюдении правил производства в суде первой инстанции вынесено недействительное решение, не может ли суд апелляционной инстанции просто вынести новое, «действительное» решение, основываясь на «действительном» производстве в суде первой инстанции и собственном (также «действительном») производстве.

Ко второй группе неустранимых нарушений Верховный Суд РФ предлагает отнести «невозполнимые в суде апелляционной инстанции нарушения права обвиняемого на защиту». Соответственно, только те нарушения права на защиту, которые являются именно невозполнимыми в суде апелляционной инстанции, могут служить основаниями возвращения. Встает вопрос: какие же нарушения права на защиту, допущенные в суде первой инстанции, можно компенсировать в суде апелляционной инстанции и можно ли вообще заменить не реализованное в суде первой инстанции право на защиту его реализацией в суде апелляционной инстанции, будет ли это равнозначным? Если да, то при каких условиях?

Как видно, используемые формулировки мало чем прояснили ситуацию, так как они не подлежат однозначному истолкованию, не позволяют четко определить границы прав суда апелляционной инстанции по возвращению уголовного дела и судебного решения в суд первой инстанции. В данной ситуации нам представляется необходимым исследовать вопрос о том, какие возможности имеются у суда апелляционной инстанции для самостоятельного исправления тех нарушений, которые были допущены в первой судебной инстанции. В этом отношении прежде всего обращает на себя внимание проблема, связанная с отсутствием в уголовном процессе института эвокации (возможности рассмотрения судом апелляционной инстанции уголовного дела по правилам суда первой инстанции). В отличие от уголовного процесса, гражданский процесс содержит процедуру эвокации. В соответствии с ч. 5 ст. 330 ГПК РФ при наличии оснований, предусмотренных ч. 4 ст. 330 ГПК РФ (рассмотрение дела судом в незаконном составе; рассмотрение дела в отсутствие кого-либо из лиц, участвующих в деле и не извещенных надлежащим образом о времени и месте судебного заседания; нарушение правил о языке, на котором ведется судебное производство; принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле; отсутствие на решении суда подписи судьи

или кого-либо из судей или решение суда, подписанное не тем судьей или не теми судьями, которые входили в состав суда, рассматривавшего дело; отсутствие в деле протокола судебного заседания; нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения, т.е. в случае наличия таких нарушений, которые (предположительно!) влекут «недействительность судебного разбирательства»), суд апелляционной инстанции рассматривает дело по правилам производства в суде первой инстанции без учета особенностей, предусмотренных гл. 39 ГПК РФ. О переходе к рассмотрению дела по правилам производства в суде первой инстанции выносится определение с указанием действий, которые надлежит совершить лицам, участвующим в деле, и сроков их совершения. В числе решений, выносимых судом апелляционной инстанции, не предусмотрено решение о возвращении дела в суд первой инстанции. Аналогичным путем данный вопрос в России урегулирован и применительно к арбитражному судопроизводству.

Возникает вопрос: исключает ли процедура эвокации необходимость существования института возвращения дела в суд первой инстанции для нового его рассмотрения? Конституционный Суд РФ, оценивая право суда апелляционной инстанции перейти на рассмотрение дела по правилам суда первой инстанции, применительно к арбитражному судопроизводству отмечал, что введение в производство в арбитражном суде апелляционной инстанции элементов производства в арбитражном суде первой инстанции призвано обеспечить лицам, участвующим в рассмотрении дела, те процессуальные гарантии, которые они имели бы в случае рассмотрения их дела арбитражным судом первой инстанции, а в конечном итоге — исправление непосредственно арбитражным судом апелляционной инстанции ошибок, допущенных арбитражным судом первой инстанции. Это соответствует принципу процессуальной экономии и требованию эффективности судопроизводства, служит гарантией осуществления арбитражными судами справедливого судебного разбирательства в разумный срок⁶. Однако в осо-

⁶ Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Евдокимовой Людмилы Викторовны и Рылькова Максима Анатольевича на нарушение их конституционных прав положениями части 1 статьи 266 и пункта 2 статьи 269 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации : определение Конституц. Суда РФ от 18 янв. 2011 г. № 2-О-О // СПС «КонсультантПлюс».

бом мнения судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Жилина к определению Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 2-О-О выражена иная точка зрения. Там отмечается, что применение процедуры эвокации по такому основанию, как принятие судом решения о правах и обязанностях лиц, не привлеченных к участию в деле, приводит к следующим последствиям:

- во-первых, помимо их воли лишает лиц возможности защищать свои права в суде первой инстанции;

- во-вторых, нарушает права всех субъектов спорных отношений на нормальное развитие судебного процесса, так как ситуация перехода на рассмотрение судом дела по правилам суда первой инстанции нарушает процессуальное равенство участников, часть из которых имела возможность отстаивать свои права в суде первой инстанции, а часть — нет;

- в-третьих, в данном случае производство во второй инстанции логически не продолжает судебный процесс по конкретному спору, так как субъекты спорных отношений еще не реализовали право на разбирательство дела в суде первой инстанции;

- в-четвертых, для участников, получивших возможность вступить в процесс лишь на стадии апелляционного производства, постановление апелляционного суда де-факто является «решением» суда первой инстанции, но вступает оно в законную силу немедленно, в связи с чем последние по вине суда первой инстанции лишаются права его обжалования в апелляционном порядке;

- в-пятых, судебная ошибка вряд ли может представлять собой конституционно значимое обстоятельство, оправдывающее изменение подсудности вопреки изначальным правилам, на соблюдение которых лицо вправе было рассчитывать при реализации своего конституционного права⁷.

Соглашаясь с аргументами Г.А. Жилина, следует, на наш взгляд, признать, что из наличия конституционного положения (ч. 1 ст. 47 Конституции РФ), согласно которому каждый

имеет право на рассмотрение дела тем судьей и тем судом, к подсудности которого оно относится, вытекает, что, действительно, даже при закреплении в уголовно-процессуальном законе процедуры эвокации существование возможности возвращения уголовного дела судом апелляционной инстанции в суд первой инстанции объективно необходимо, но в крайне ограниченном числе ситуаций, например в случае, если дело безосновательно было рассмотрено в отсутствие обвиняемого. С другой стороны, в условиях отсутствия в уголовно-процессуальном законе процедуры эвокации наличие в процедуре апелляционного пересмотра ряда отличий от процедуры рассмотрения дела в суде первой инстанции приводит к тому, что некоторые нарушения, будучи допущены судом первой инстанции, не могут быть полноценно исправлены в ходе апелляционного производства по уголовному делу. Поэтому сейчас в ряде случаев объективно требуется возможность возвращения дела в суд первой инстанции в целях обеспечения реализации права участников процесса на рассмотрение дела тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом (несмотря на то что это будет означать увеличение сроков судопроизводства). В то же время чрезмерно широкие основания для принятия судом апелляционной инстанции решения о возвращении уголовного дела в суд первой инстанции способны стать серьезной угрозой для возможности реализации права участников уголовного процесса на своевременное получение судебного решения, вступившего в законную силу (на разумный срок судебного разбирательства). Таким образом, решение проблемы определения нарушений, неустраняемых в суде апелляционной инстанции, должно быть основано на исследовании процедуры апелляционного производства с точки зрения ее отличий от процедуры рассмотрения дела в суде первой инстанции, анализа их значимости в плане возможности / невозможности полноценного устранения последствий тех или иных нарушений закона в условиях апелляции.

Здесь необходимо отметить, что, признавая отсутствие процедуры полноценной эвокации, некоторые ученые-процессуалисты полагают, что в УПК РФ закреплена процедура частичной эвокации. Под ней понимается апелляционное производство, включающее непосредственное исследование доказательств, ранее исследованных в суде первой инстанции, а также новых доказательств. При этом инициаторами такого по-

⁷ Особое мнение судьи Конституционного Суда РФ Г.А. Жилина к Определению Конституционного Суда РФ от 18 января 2011 г. № 2-О-О «Об отказе в принятии к рассмотрению жалоб граждан Евдокимовой Людмилы Викторовны и Рылькова Максима Анатольевича на нарушение их конституционных прав положениями части 1 статьи 266 и пункта 2 статьи 269 Арбитражного процессуального кодекса Российской Федерации» // СПС «КонсультантПлюс».

рядка могут выступать сами стороны, заявившие ходатайства об исследовании доказательства, или сам суд. В процессуальной литературе подчеркивается необходимость при использовании процедуры частичной эвокации выносить процессуальное решение, о чем нужно указывать либо в постановлении о назначении судебного заседания в суде апелляционной инстанции, либо в отдельном определении, если переход был осуществлен уже в процессе самого судебного разбирательства [4, с. 100]. Анализ практики, однако же, демонстрирует, что суд апелляционной инстанции недостаточно использует эту возможность. По изученным нами делам суд апелляционной инстанции непосредственно исследовал доказательства, ранее исследованные судом первой инстанции (проводил допрос свидетелей), лишь в 2 % случаев. Необходимо также учитывать, что даже если суд апелляционной инстанции при проверке судебного решения проводит полное судебное следствие, т.е. использует так называемую процедуру частичной эвокации, производство в суде апелляционной инстанции не способно восполнить (заменить) в абсолютно равном объеме производство в суде первой инстанции, так как судебное следствие — это лишь часть самого производства в суде апелляционной инстанции, другие этапы которого не совпадают с производством в суде первой инстанции.

Попробуем оценить с учетом изложенного, какие из встречающихся на практике ситуаций передачи дела на новое судебное рассмотрение в суд первой инстанции оправданны, а какие «чрезмерны», необоснованно ограничивают право участников на разбирательство дела в разумный срок.

1. Так как УПК РФ не закрепляет возможность перехода при проверке судебного решения в суде апелляционной инстанции на производство по правилам суда первой инстанции (как это предусмотрено в ГПК РФ и АПК РФ), возвращение уголовного дела и судебного решения в суд первой инстанции должны влечь все нарушения закона, которые приводят к невозможности реализации права на рассмотрение дела по первой инстанции тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом (нарушение подсудности или неосновательное рассмотрение дела в отсутствие обвиняемого), либо создают неустранимые сомнения в реальной реализации такого права (рассмотрение дела судом в незаконном составе; нарушение правил

о языке, на котором ведется судебное производство; решение суда не подписано судьей или кем-либо из судей либо решение суда подписано не тем судьей или не теми судьями, которые входили в состав суда, рассматривавшего дело; отсутствие в деле протокола судебного заседания; нарушение правила о тайне совещания судей при принятии решения).

По этому же основанию необходимо возвращение уголовного дела в суд первой инстанции в случае отмены оправдательного приговора с необходимостью вынесения обвинительного приговора (ст. 389.24, 389.25 УПК РФ). При этом представляется необходимым отметить, что, хотя это правило в настоящее время в большинстве случаев соблюдается на практике, имеются факты отмены апелляционной инстанцией оправдательного приговора с одновременным постановлением обвинительного. В 2015 г., согласно опубликованной судебной статистике, такая ситуация имела место по 10 уголовным делам. Для сравнения: в 2014 г. таких случаев было 28, в 2013 г. — 126, в 2012 г. — 312, а в 2011 г. — 406⁸. Таким образом, исследование практики свидетельствует о том, что суды апелляционной инстанции все реже выносят обвинительный приговор взамен оправдательного, вместо этого они, отменяя оправдательный приговор, направляют дело на новое судебное рассмотрение.

2. К неустранимым в суде апелляционной инстанции следует отнести и такие нарушения уголовно-процессуального закона, которые не могут быть исправлены в апелляционной инстанции в силу отсутствия для этого процессуальных возможностей, предусмотренных УПК РФ (например, если нарушения допущены судом первой инстанции при проведении подготовки и назначения дела к судебному разбирательству, предварительного слушания). Для их исправления необходим даже не институт эвокации в точном смысле, а еще более широкая возможность суда апелляционной инстанции приступить к судебному производству по правилам суда первой инстанции, начиная со стадии подготовки к судебному разбирательству.

3. В условиях отсутствия института эвокации не могут быть, по нашему мнению, восполнены в суде апелляционной инстанции такие нарушения, как непредоставление подсудимому права участия в прениях сторон, непредоставление

⁸ URL : <http://www.cdep.ru/index.php?id=79>.

ему последнего слова, так как прения сторон и последнее слово подсудимого в суде апелляционной инстанции проводятся по итогам именно судебного разбирательства в суде апелляционной инстанции и не способны компенсировать собой нереализованное участие в прениях и последнее слово в суде первой инстанции. В процессуальной литературе встречается и другая точка зрения [23, с. 129]. Мы, однако, полагаем, что данные нарушения могли бы быть устранимы в суде апелляционной инстанции, только если бы в процессуальном законе была предусмотрена возможность перехода к производству по правилам суда первой инстанции.

4. При оценке такого основания, как нарушение права на защиту, следует исходить из того, что в силу отсутствия в уголовно-процессуальном праве РФ института эвокации рассмотрение дела в суде первой инстанции без участия защитника (если его участие является обязательным) представляет собой нарушение, неустранимое в суде апелляционной инстанции. Такое нарушение не может быть компенсировано участием защитника в суде апелляционной инстанции, поскольку здесь дело не будет рассматриваться по правилам суда первой инстанции. К числу неустранимых нарушений права на защиту следует, на наш взгляд, относить не только ситуации отсутствия защитника де-юре, но и когда он отсутствует де-факто, например, если защиту осуществлял защитник, позиция которого противоречила позиции подзащитного или при осуществлении защиты одним защитником двух подсудимых, позиции которых противоречат друг другу. Следует также учитывать, что данные нарушения закона не могут стать основанием для отмены оправдательного приговора или для отмены обвинительного приговора с возвращением дела в суд первой инстанции, если это противоречит позиции обвиняемого.

5. Все нарушения, связанные с исследованием или оценкой доказательств судом первой инстанции, в том числе и с нарушением права на защиту, выразившимся в непредоставлении или ограничении возможности исследования доказательств, согласно нашей позиции, принципиально устранимы в суде апелляционной инстанции, поскольку уголовно-процессуальное законодательство предоставляет суду апелляционной инстанции достаточные возможности для непосредственного исследования доказательств (частичная эвокация, предусмотренная ч. 4–9 ст. 389.13 УПК РФ).

6. Точно так же принципиально устранимы в суде апелляционной инстанции любые нарушения уголовного закона, допущенные судом первой инстанции, если только их исправление не связано с необходимостью изменения обвинения на более тяжкое по сравнению с тем, которое было предметом исследования в суде первой инстанции.

С учетом изложенного представляется необходимым признать, что в условиях отсутствия в уголовном процессе РФ института эвокации суды апелляционной инстанции действуют оправданно, когда возвращают в суд первой инстанции на новое судебное рассмотрение уголовное дело в случае обнаружения таких нарушений закона, которые приводят к невозможности реализации права на рассмотрение дела в первой инстанции тем судом, к подсудности которого оно отнесено законом, либо создают неустранимые сомнения в реальной реализации такого права, либо не могут быть исправлены в суде апелляционной инстанции в связи с отсутствием там необходимых для этого правовых механизмов (конкретные ситуации см. выше). В этом случае суд апелляционной инстанции совершенно верно отыскивает баланс между интересами участников, направленными на получение ими реальной судебной защиты, и их интересами на рассмотрение дела в разумный срок, обоснованно отдавая первым из них приоритет за счет меньших гарантий реализации вторых. Однако представляется недопустимым (и будет являться злоупотреблением дискреционными полномочиями) «обеспечение» таким образом права обвиняемого на защиту вопреки явно выраженному им желанию (если только суд не установит, что в силу личных особенностей обвиняемый не в состоянии осознавать последствия своего решения). В то же время суд апелляционной инстанции злоупотребляет своими дискреционными полномочиями, если возвращает уголовное дело на новое рассмотрение в суд первой инстанции по мотивам, связанным с неправильным исследованием, неверной оценкой доказательств судом первой инстанции либо с неправильным применением им норм уголовного закона (кроме случаев, когда необходима квалификация деяния на более тяжкое по сравнению с тем, которое было предметом исследования в суде первой инстанции; однако и в этих случаях, по видимому, уголовное дело должно быть возвращено не суду, а прокурору).

Предпосылкой, создающей условия для формирования практики системных злоупотреблений судом апелляционной инстанции своими дискреционными полномочиями, вероятно, является слишком неконкретизированное правило, содержащееся в ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ, предоставляющее суду апелляционной инстанции слишком широкие пределы дискреционного усмотрения. Представляется, что эффективными способами противодействия подобным системным формам злоупотребления судами своими дискреционными полномочиями могут стать:

1. Внесение в уголовно-процессуальный закон изменений, направленных на выстраивание эффективного баланса прав различных участников процесса, регламентацию механизма их реализации, четкое определение случаев и пределов ограничений этих прав, а также ограничение чрезмерно широких пределов усмотрения должностных лиц, установление

в законе критериев, с применением которых должностные лица должны принимать решения в пределах своего усмотрения. В данной ситуации это должно выразиться, на наш взгляд, во введении в уголовный процесс института эвокации, а также в уточнении положений ч. 1 ст. 389.22 УПК РФ: либо путем включения в данную статью более четких критериев, в случае наличия которых дело должно подлежать возвращению в суд первой инстанции, либо (возможно, второе проще осуществить) путем установления тех ситуаций, в которых суд апелляционной инстанции будет не вправе возвращать дело в нижестоящий суд, а должен самостоятельно исправить допущенные судом первой инстанции нарушения.

2. Совершенствование сложившейся правоприменительной практики (в том числе с применением мер административного характера, установления эффективного судебного надзора).

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ

1. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ и УПК РФ. Первый опыт критического осмысления / Е.А. Борисова, Л.В. Головкин, Н.Н. Ковтун [и др.] ; под общ. ред. Н.А. Колоколова. — М. : Юрист, 2011. — 188 с.
2. Смирнова И.Г. Социальная ценность российского уголовного судопроизводства : автореф. дис. ... д-ра юрид. наук : 12.00.09 / И.Г. Смирнова. — Томск, 2012. — 51 с.
3. Мазюк Р.В. Процессуальные интересы потерпевшего при реализации принципа разумного срока уголовного судопроизводства / Р.В. Мазюк // Академический юридический журнал. — 2015. — № 1 (59). — С. 32–40.
4. Апелляция, кассация, надзор: новеллы ГПК РФ, УПК РФ. Первые результаты применения : в 2 ч. / под общ. ред. Н.А. Колоколова. — М. : Юрлитинформ, 2015. — Ч. 2. — 528 с.
5. Смирнова И.Г. К вопросу о социальной роли Европейского Суда по правам человека в уголовном судопроизводстве / И.Г. Смирнова // Известия Иркутской государственной экономической академии. — 2011. — № 5 (79). — С. 149–153.
6. Пронин К.В. Дискреционные полномочия суда в уголовном судопроизводстве : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.09 / К.В. Пронин. — Челябинск, 2010. — 25 с.
7. Raimondo F.O. General Principles of Law as Applied by International Criminal Courts and Tribunals / Fabian O. Raimondo // The Law and Practice of International Courts and Tribunals. — 2007. — Vol. 6, iss. 3. — P. 393–407.
8. Рябцева Е.В. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве / Е.В. Рябцева. — М. : Юрлитинформ, 2014. — 144 с.
9. Geoffrey C.H. (Jr.). Abuse of Procedural Rights: A Summary View of the Common Law Systems, and Abuse of Procedural Rights: Regional Report for the United States / Hazard C. Geoffrey (Jr.) // Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness : International Colloquium, 27–30 Oct. 1998, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana / ed. by M. Taruffo. — Boston : Kluwer International, 1999. — P. 43–53.
10. Normand J. Final report: The two approaches to the abuse of procedural rights / J. Normand // Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness : International Colloquium, 27–30 Oct. 1998, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana / ed. by M. Taruffo. — Boston : Kluwer International, 1999. — P. 237–248.
11. Даровских О.И. Злоупотребление правом в уголовном судопроизводстве России / О.И. Даровских. — Челябинск : Цицеро, 2013. — 151 с.
12. Юдин А.В. Злоупотребление процессуальными правами в гражданском и уголовном судопроизводстве: междисциплинарный анализ / А.В. Юдин // Lex Russica. — 2006. — № 5. — С. 976–987.
13. Крусс В.И. Конституция и злоупотребление правом: современный контекст / В.И. Крусс // Вестник Тверского государственного университета. Сер. : Право. — 2009. — № 15. — С. 67–75.
14. Баев О.Я. «Злоупотребление правом» как уголовно-процессуальная категория / О.Я. Баев // Вестник Воронежского государственного университета. Сер. : Право. — 2013. — № 2. — С. 336–349.
15. Abuse of procedural rights: comparative standards of procedural fairness : International Colloquium, 27–30 Oct. 1998, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana / ed. by M. Taruffo. — Boston : Kluwer International, 1999. — 370 p.
16. Хохлова Е.М. Субъективное право и юридическая обязанность в механизме правового регулирования : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.01 / Е.М. Хохлова. — Саратов, 2008. — 26 с.
17. Андреева О.И. Злоупотребление субъективным правом в уголовном процессе: проблемы правового регулирования / О.И. Андреева // Вестник Самарского юридического института. — 2015. — № 2 (16). — С. 9–13.

18. Сулейманова А.Д. Злоупотребление полномочиями по российскому уголовному праву: проблемы квалификации и законодательной регламентации : автореф. дис. ... канд. юрид. наук : 12.00.08 / А.Д. Сулейманова. — Казань, 2005. — 27 с.
19. Byers M. Abuse of rights: An Old Principle, a New Age / Michael Byers // *McGill Law Journal*. — 2002. — Vol. 47. — P. 389–434.
20. Bloom R.M. Criminal procedure: examples and explanations / Robert M. Bloom, Mark S. Brodin. — N.Y. : Aspen publishers, 2004. — 426 p.
21. Трубникова Т.В. Злоупотребление правом в уголовном процессе: критерии и пределы вмешательства со стороны государства / Т.В. Трубникова // *Вестник Томского государственного университета. Сер. : Право*. — 2015. — № 3 (17). — С. 65–78.
22. Swiffen A. Introduction: Violence and the Limits of Law / Amy Swiffen, Joshua Nichols // *Law and Critique*. — 2016. — 5 Apr. — P. 1–5.
23. Кудрявцева А.В. Апелляционное производство в уголовном процессе России / А.В. Кудрявцева, В.П. Смирнов. — М. : Юрлитинформ, 2013. — 216 с.

REFERENCES

1. Borisova E.A., Golovko L.V., Kovtun N.N. et al.; Kolokolov N.A. (ed.). *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF i UPK RF. Pervyi opyt kriticheskogo osmysleniya* [Appeal, Cassation, Supervision: Novels of the Civil Procedure Code of the RF and the Criminal Procedure Code of the RF. First experience of critical analysis]. Moscow, Yurist Publ., 2011. 188 p.
2. Smirnova I.G. *Sotsial'naya tsennost' rossiiskogo ugolovnogo sudoproizvodstva. Avtoref. Dokt. Diss.* [Social value of Russian criminal court procedure. Doct. Diss. Thesis]. Tomsk, 2012. 51 p.
3. Mazyuk R.V. Procedural interests of victim at realization of the fair trial principle of criminal proceedings. *Akademicheskii yuridicheskii zhurnal = Academic Juridical Journal*, 2015, no. 1 (59), pp. 32–40. (In Russian).
4. Kolokolov N.A. (ed.). *Apellyatsiya, kassatsiya, nadzor: novelly GPK RF, UPK RF. Pervye rezul'taty primeneniya* [Appeal, Cassation, Supervision: Novels of the Civil Procedure Code of the RF and the Criminal Procedure Code of the RF. First experience of enforcement]. Moscow, YurLitinform Publ., 2015. Pt. 2. 528 p.
5. Smirnova I.G. About social role of European Court of human rights in criminal proceedings. *Izvestiya Irkutskoi gosudarstvennoi ekonomicheskoi akademii = Izvestiya of Irkutsk State Economics Academy*, 2011, no. 5 (79), pp. 149–153. (In Russian).
6. Pronin K.V. *Diskretionnye polnomochiya suda v ugolovnom sudoproizvodstve. Avtoref. Kand. Diss.* [Discretionary authority of the court in criminal court procedure. Cand. Diss. Thesis]. Chelyabinsk, 2010. 25 p.
7. Raimondo Fabian O. General Principles of Law as Applied by International Criminal Courts and Tribunals. *The Law and Practice of International Courts and Tribunals*, 2007, vol. 6, iss. 3, pp. 393–407.
8. Ryabtseva E.V. *Zloupotreblenie pravom v ugolovnom sudoproizvodstve* [Abuse of Law in Criminal Court Procedure]. Moscow, YurLitinform Publ., 2014. 144 p.
9. Geoffrey C. Hazard (Jr.). Abuse of procedural rights: A summary view of the common law systems, and abuse of procedural rights: Regional report for the United States. In Taruffo M. (ed.). *Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness: International Colloquium, 27–30 October 1998, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana*. Boston, Kluwer International, 1999, pp. 43–53.
10. Normand J. Final report: The two approaches to the abuse of procedural rights. In Taruffo M. (ed.). *Abuse of Procedural Rights: Comparative Standards of Procedural Fairness: International Colloquium, 27–30 October 1998, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana*. Boston, Kluwer International, 1999, pp. 43–53.
11. Darovskikh O.I. *Zloupotreblenie pravom v ugolovnom sudoproizvodstve Rossii* [Abuse of Law in Russian Criminal Court Procedure]. Chelyabinsk, Tsitsero Publ., 2013. 151 p.
12. Yudin A.V. Abuse of Procedural Rights in Civil and Criminal Court Procedure: an Inter-Branch Analysis. *Lex Russica*, 2006, no. 5, pp. 976–987. (In Russian).
13. Kruss V.I. The Constitution and the abuse of law: a modern context. *Vestnik Tverskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo = Bulletin of Tver State University. Series Law*, 2009, no. 15, pp. 67–75. (In Russian).
14. Baev O.Ya. Abuse of legal right as the criminally-remedial category. *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo = Proceedings of Voronezh State University. Series Law*, 2013, no. 2, pp. 336–349. (In Russian).
15. Taruffo M. (ed.). *Abuse of procedural rights: comparative standards of procedural fairness: International Colloquium, 27–30 October 1998, Tulane Law School, New Orleans, Louisiana*. Boston, Kluwer International, 1999. 370 p.
16. Khokhlova E.M. *Sub'ektivnoe pravo i yuridicheskaya obyazannost' v mekhanizme pravovogo regulirovaniya. Avtoref. Kand. Diss.* [Subjective law and the legal duty in the mechanism of legal regulation. Cand. Diss. Thesis]. Saratov, 2008. 26 p.
17. Andreeva O.I. Excessive use of subjective right in criminal proceeding: problems of legal regulation. *Vestnik Samarskogo yuridicheskogo instituta = Bulletin of the Samara Law Institute*, 2015, no. 2 (16), pp. 9–13. (In Russian).
18. Suleimanova A.D. *Zloupotreblenie polnomochiyami po rossiiskomu ugolovnomu pravu: problemy kvalifikatsii i zakonodatel'noi reglamentatsii. Avtoref. Kand. Diss.* [Abuse of authority in Russian criminal law: issues of qualification and legislative regulation. Cand. Diss. Thesis]. Kazan', 2005. 27 p.
19. Byers Michael. Abuse of rights: An Old Principle, a New Age. *McGill Law Journal*, 2002, vol. 47, pp. 389–434.
20. Bloom Robert M., Brodin Mark S. *Criminal Procedure: Examples and Explanations*. New York, Aspen publishers, 2004. 426 p.
21. Trubnikova T.V. Abuse of right in criminal proceeding: criteria and state interference limits. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Seriya Pravo = Tomsk State University Journal of Law*, 2015, no. 3 (17), pp. 65–78. (In Russian).
22. Swiffen Amy, Nichols Joshua. Introduction: Violence and the limits of law. *Law and Critique*, 2016, 5 April, pp. 1–5.
23. Kudryavtseva A.V., Smirnov V.P. *Apellyatsionnoe proizvodstvo v ugolovnom protsesse Rossii* [Appeal Proceeding in Russian Criminal Process]. Moscow, YurLitinform Publ., 2013. 216 p.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ

Андреева Ольга Ивановна — заведующий кафедрой уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, доктор юридических наук, доцент, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: univertgu@rambler.ru.

Желева Ольга Викторовна — аспирант кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: zheleva.olga@gmail.com.

Рукавишникова Анастасия Анатольевна — доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: satsana@yandex.ru.

Трубникова Татьяна Владимировна — доцент кафедры уголовного процесса, прокурорского надзора и правоохранительной деятельности Юридического института Национального исследовательского Томского государственного университета, кандидат юридических наук, доцент, г. Томск, Российская Федерация; e-mail: trubn@mail.ru.

БИБЛИОГРАФИЧЕСКОЕ ОПИСАНИЕ СТАТЬИ

Андреева О.И. Право на возвращение уголовного дела судом апелляционной инстанции в суд первой инстанции: возможность злоупотребления полномочиями / О.И. Андреева, О.В. Желева, А.А. Рукавишникова, Т.В. Трубникова // Всероссийский криминологический журнал. — 2016. — Т. 10, № 3. — С. 554–567. — DOI : 10.17150/2500-4255.2016.10(3).554-567.

INFORMATION ABOUT THE AUTHORS

Andreeva, Olga I. — Head, Chair of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Law Institute, National Research Tomsk State University, Doctor of Law, Ass. Professor, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: univertgu@rambler.ru.

Zheleva, Olga V. — Ph.D. Student, Chair of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Law Institute, National Research Tomsk State University, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: zheleva.olga@gmail.com.

Rukavishnikova, Anastasia A. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Law Institute, National Research Tomsk State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: satsana@yandex.ru.

Trubnikova, Tatiana V. — Ass. Professor, Chair of Criminal Procedure, Prosecutor's Supervision and Law Enforcement, Law Institute, National Research Tomsk State University, Ph.D. in Law, Ass. Professor, Tomsk, the Russian Federation; e-mail: trubn@mail.ru.

BIBLIOGRAPHIC DESCRIPTION

Andreeva O.I., Zheleva O.V., Rukavishnikova A.A., Trubnikova T.V. The court of appeal's right to return a criminal case to the first-instance court: a possibility of power abuse. *Vserossiiskii kriminologicheskii zhurnal = Russian Journal of Criminology*, 2016, vol. 10, no. 3, pp. 554–567. DOI: 10.17150/2500-4255.2016.10(3).554-567. (In Russian).